

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351¹ Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.К.Барабаш, А.Н.Бекасова и других и запросом Мурманской областной Думы

город Санкт-Петербург

18 июля 2013 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева, М.И.Клеандрова, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, Н.В.Селезнева, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

с участием представителя гражданки О.В.Гликман – адвоката С.В.Чугунова, представителя гражданина А.В.Гумерова – кандидата юридических наук В.А.Пимонова, представителя гражданина О.А.Курашкина – адвоката Н.О.Семенова, гражданина К.М.Щербины, представителя граждан О.В.Гликман и К.М.Щербины – адвоката А.В.Пчелинцева, представителя Мурманской областной Думы – кандидата юридических наук А.З.Лысовой, полномочного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации

Д.Ф.Вяткина, представителя Совета Федерации – доктора юридических наук А.С.Саломаткина, полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М.В.Кротова,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 2 и часть 4) Конституции Российской Федерации, подпунктом «а» пункта 1 и пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 74, 84, 85, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351¹ Трудового кодекса Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явились жалобы граждан В.К.Барабаш, А.Н.Бекасова, И.И.Гардера, О.В.Гликман, Е.В.Горохова, А.В.Гумерова, О.А.Жуковой, Д.А.Карабута, О.А.Курашкина, В.В.Осинцева, К.М.Щербины и запрос Мурманской областной Думы. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителями законоположения.

Поскольку все жалобы и запрос касаются одного и того же предмета, Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь статьей 48 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», соединил дела по этим обращениям в одном производстве.

Заслушав сообщение судьи-докладчика В.Г.Ярославцева, объяснения сторон и их представителей, выступления приглашенных в заседание представителей: от Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации – С.М.Петрова, от Министерства образования и науки Российской Федерации – О.В.Федоровой, от Министерства юстиции Российской Федерации – Е.А.Борисенко, от Генерального прокурора Российской Федерации – Т.А.Васильевой, от Уполномоченного по правам

человека в Российской Федерации – А.Н.Максимова, а также выступление Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка П.А.Астахова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Пункт 13 части первой статьи 83 Трудового кодекса Российской Федерации закрепляет в качестве основания прекращения трудового договора по обстоятельствам, не зависящим от воли сторон, возникновение установленных данным Кодексом, иным федеральным законом и исключающих возможность исполнения работником обязанностей по трудовому договору ограничений на занятие определенными видами трудовой деятельности.

Абзац третий части второй статьи 331 Трудового кодекса Российской Федерации устанавливает запрет на занятие педагогической деятельностью для лиц, имеющих или имевших судимость, подвергающихся или подвергавшихся уголовному преследованию (за исключением лиц, уголовное преследование в отношении которых прекращено по реабилитирующим основаниям) за преступления против жизни и здоровья, свободы, чести и достоинства личности (за исключением незаконного помещения в психиатрический стационар, клеветы и оскорбления), половой неприкосновенности и половой свободы личности, против семьи и несовершеннолетних, здоровья населения и общественной нравственности, основ конституционного строя и безопасности государства, а также против общественной безопасности, а статья 351¹ данного Кодекса – запрет для указанных лиц на осуществление трудовой деятельности в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних, организации их отдыха и оздоровления, медицинского обеспечения, социальной защиты и социального обслуживания, в сфере детско-юношеского спорта, культуры и искусства с участием несовершеннолетних.

Часть вторая статьи 331 Трудового кодекса Российской Федерации была дополнена абзацем третьим, а статья 351¹ – включена в данный Кодекс Федеральным законом от 23 декабря 2010 года № 387-ФЗ «О внесении изменений в статью 22¹ Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» и Трудовой кодекс Российской Федерации» (пункты 4 и 5 статьи 2).

1.1. 13 марта 2012 года заместителем прокурора Оймяконского района Республики Саха (Якутия) в адрес директора муниципального образовательного учреждения «Усть-Нерская гимназия» было направлено представление об устранении нарушений требований трудового законодательства и законодательства об образовании и прекращении трудовых отношений с гражданкой В.К.Барабаш – учителем географии и экологии на том основании, что приговором мирового судьи Оймяконского судебного участка № 24 от 22 августа 2002 года она была признана виновной в совершении преступлений, предусмотренных статьей 116 «Побои» и частью третьей статьи 118 «Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью по неосторожности» УК Российской Федерации, и ей было назначено наказание в виде исправительных работ сроком на три месяца с удержанием в доход государства 10 процентов заработка.

В удовлетворении искового заявления о признании данного представления незаконным и нарушающим ее права и свободы В.К.Барабаш отказано решением Оймяконского районного суда Республики Саха (Якутия) от 30 марта 2012 года, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 30 мая 2012 года, а приказом от 10 июля 2012 года она была уволена по основанию, предусмотренному пунктом 3 части первой статьи 77 Трудового кодекса Российской Федерации (расторжение трудового договора по инициативе работника).

Нарушение положениями части второй статьи 331 и статьи 351¹ Трудового кодекса Российской Федерации, а также пунктов 4 и 5 статьи 2

Федерального закона от 23 декабря 2010 года № 387-ФЗ своих прав, гарантированных статьями 2, 17, 18, 37 (часть 1), 54 (часть 1) и 55 (части 2 и 3) Конституции Российской Федерации, В.К.Барабаш усматривает в том, что эти положения, по ее мнению, несоразмерно ограничивают работника с погашенной или снятой до вступления в силу указанного Федерального закона судимостью в реализации его права на свободное распоряжение своими способностями к труду.

1.2. Конституционность абзаца третьей части второй статьи 331 и статьи 351¹ Трудового кодекса Российской Федерации оспаривают граждане А.Н.Бекасов, О.В.Гликман, Е.В.Горохов, А.В.Гумеров, О.А.Курашкин и К.М.Щербина, по мнению которых эти законоположения позволяют расторгнуть трудовой договор по основанию, предусмотренному пунктом 13 части первой статьи 83 Трудового кодекса Российской Федерации, с лицом, привлекавшимся к уголовной ответственности до их вступления в силу, в частности за преступления небольшой тяжести, притом что установленное ими ограничение права на свободное распоряжение своими способностями к труду, выбор рода деятельности и профессии, не позволяющее таким лицам осуществлять трудовую деятельность в сфере образования, не может быть оправдано конституционно значимыми целями защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, включая несовершеннолетних, а потому противоречит Конституции Российской Федерации, в том числе ее статьям 37 (часть 1) и 55 (части 2 и 3).

По представлению прокурора Краснотуранского района Красноярского края от 1 декабря 2011 года приказом от 27 марта 2012 года с должности директора муниципального образовательного учреждения «Кортузская средняя общеобразовательная школа» был уволен А.Н.Бекасов, который приговором Минусинского городского суда Красноярского края от 21 мая 1998 года был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью первой статьи 222 «Незаконное приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, боеприпасов,

взрывчатых веществ и взрывных устройств» УК Российской Федерации, с назначением наказания в виде двух лет лишения свободы условно с двухлетним испытательным сроком. В удовлетворении исковых требований о восстановлении на работе А.Н.Бекасову было отказано решением Краснотуранского районного суда Красноярского края от 25 мая 2012 года, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Красноярского краевого суда от 25 июля 2012 года. Определением судьи Красноярского краевого суда от 3 сентября 2012 года в передаче кассационной жалобы заявителя для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции также было отказано.

Приговором Павлово-Посадского городского суда Московской области от 29 апреля 1996 года за совершение преступления, предусмотренного частью первой статьи 112 «Умышленное легкое телесное повреждение или побои» УК РСФСР, О.В.Гликман было назначено наказание в виде одного года лишения свободы условно с испытательным сроком один год, в связи с чем 12 августа 1996 года по основанию, закрепленному пунктом 3 части первой статьи 254 КЗоТ Российской Федерации (совершение работником, выполняющим воспитательные функции, аморального проступка, несовместимого с продолжением данной работы), она была уволена с должности учителя русского языка и чтения в муниципальном специализированном (коррекционном) образовательном учреждении для обучающихся, воспитанников с отклонениями в развитии – специальной (коррекционной) общеобразовательной школе № 8 восьмого вида Павлово-Посадского муниципального района Московской области, где она работала с 1981 года. 14 ноября 1997 года О.В.Гликман вновь была принята на работу в то же образовательное учреждение, однако по требованию межмуниципального отдела МВД России «Павлово-Посадский» (письмо от 31 августа 2011 года) в соответствии со статьей 351¹ Трудового кодекса Российской Федерации она была уволена в связи с имевшим место в 1996 году осуждением. Решением Павлово-Посадского городского суда

Московской области от 27 февраля 2012 года в удовлетворении исковых требований О.В.Гликман о признании приказа об увольнении незаконным и восстановлении на работе было отказано. Судебная коллегия по гражданским делам Московского областного суда, изменив формулировку основания увольнения на предусмотренную пунктом 13 части первой статьи 83 Трудового кодекса Российской Федерации, апелляционным определением от 14 июня 2012 года решение суда первой инстанции оставила без изменения.

По представлению прокурора Олекминского района Республики Саха (Якутия) 15 сентября 2012 года с должности учителя физкультуры был уволен Е.В.Горохов, работавший с 1 декабря 2000 года в муниципальном бюджетном образовательном учреждении «Юнкюрская средняя общеобразовательная школа», который приговором Олекминского улусного суда Республики Саха (Якутия) от 27 мая 1999 года был осужден за совершение преступлений, предусмотренных частью первой статьи 114 «Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление» и частью первой статьи 118 «Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью по неосторожности» УК Российской Федерации, и постановлением того же суда от 17 сентября 1999 года освобожден от наказания по амнистии. В удовлетворении исковых требований о восстановлении на работе, взыскании заработной платы за время вынужденного прогула и расходов на юридические услуги Е.В.Горохову было отказано решением Олекминского районного суда Республики Саха (Якутия) от 15 октября 2012 года, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 10 декабря 2012 года.

Приказом от 14 декабря 2011 года, инициированным администрацией Богучанского района Красноярского края (распоряжение от 13 декабря 2011 года), с должности директора муниципального казенного образовательного

учреждения дополнительного образования детей «Детско-юношеская спортивная школа» был уволен А.В.Гумеров, уголовное дело в отношении которого, возбужденное по признакам преступления, предусмотренного статьей 116 «Побои» УК Российской Федерации, потерпевшим по которому был несовершеннолетний, постановлением судьи Богучанского районного суда Красноярского края от 25 июня 1999 года было прекращено в связи с амнистией. 23 января 2012 года А.В.Гумеров обратился к прокурору с заявлением о возбуждении производства по этому уголовному делу ввиду вновь открывшихся обстоятельств, в чем ему было отказано, равно как и в удовлетворении исковых требований о признании незаконным приказа о его увольнении, восстановлении на работе и взыскании заработной платы за время вынужденного прогула (решение Богучанского районного суда Красноярского края от 15 февраля 2012 года, оставленное без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Красноярского краевого суда от 23 апреля 2012 года).

О.А.Курашкин, работавший в краевом государственном казенном специальном (коррекционном) образовательном учреждении для обучающихся, воспитанников с ограниченными возможностями здоровья «Идринская специальная (коррекционная) общеобразовательная школа-интернат VIII вида» в должности учителя с 5 марта 2001 года, приказом от 18 июля 2012 года был уволен по требованию прокурора Идринского района Красноярского края, указавшего в представлении от 20 декабря 2011 года, что в 2001 году О.А.Курашкин привлекался к уголовной ответственности за преступления, относящиеся к категориям преступлений против семьи и несовершеннолетних, против здоровья населения и общественной нравственности. Идринский районный суд Красноярского края, куда О.А.Курашкин обратился с исковым заявлением о признании увольнения незаконным, восстановлении на работе, взыскании заработной платы за время вынужденного прогула и компенсации морального вреда, установил, что за совершение преступлений, предусмотренных частью четвертой статьи

150 «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления» и частью первой статьи 228 «Незаконные изготовление, приобретение, хранение, перевозка, пересылка либо сбыт наркотических средств или психотропных веществ» УК Российской Федерации, а также статьей 30 «Приготовление к преступлению и покушение на преступление» и частью третьей статьи 228 данного Кодекса, ему было назначено наказание в виде шести лет лишения свободы условно с испытательным сроком пять лет (приговор Идринского районного суда Красноярского края от 16 ноября 2001 года); в связи с принятием закона, устраняющего преступность деяния (статья 10 УК Российской Федерации), а именно Федерального закона от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации», изложившего статью 228 в новой редакции, О.А.Курашкин был освобожден от дальнейшего отбывания наказания (постановление Идринского районного суда Красноярского края от 2 августа 2004 года).

Исходя из этого Идринский районный суд Красноярского края посчитал О.А.Курашкина не имевшим судимости и не подвергавшимся уголовному преследованию применительно к запрету на занятие педагогической деятельностью, установленному частью второй статьи 331 Трудового кодекса Российской Федерации, и решением от 28 ноября 2012 года удовлетворил его требование о восстановлении на работе. Отменяя решение суда первой инстанции и отказывая в удовлетворении исковых требований О.А.Курашкина, судебная коллегия по гражданским делам Красноярского краевого суда в апелляционном определении от 30 января 2013 года указала, что декриминализация деяния не изменяет факта вступления в законную силу обвинительного приговора суда, т.е. не устраняет его как основание для увольнения лица, осуществляющего педагогическую деятельность.

Поводом для издания распоряжения от 14 сентября 2012 года об увольнении К.М.Щербины с должности директора муниципального

бюджетного образовательного учреждения дополнительного образования детей «Краснотуранская детско-юношеская спортивная школа», которую он занимал с 1 декабря 1992 года, послужило представление прокурора Краснотуранского района Красноярского края от 1 декабря 2012 года, в котором было указано, что приговором Краснотуранского районного суда Красноярского края от 12 марта 1993 года К.М.Щербина был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью второй статьи 112 «Умышленное легкое телесное повреждение или побои» УК РСФСР. В удовлетворении искового заявления о признании указанного распоряжения незаконным и о восстановлении на работе К.М.Щербине было отказано решением Краснотуранского районного суда Красноярского края от 1 ноября 2012 года, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Красноярского краевого суда от 28 января 2013 года.

1.3. Граждане И.И.Гардер, О.А.Жукова и В.В.Осинцев, трудовые договоры с которыми также были прекращены по основанию, предусмотренному пунктом 13 части первой статьи 83 Трудового кодекса Российской Федерации, просят признать не соответствующей статьям 1 (часть 1), 2, 4, 7 (часть 1), 15, 17, 18, 19, 21, 23, 37, 54 и 55 (части 2 и 3) Конституции Российской Федерации статью 351¹ Трудового кодекса Российской Федерации, как устанавливающую для лиц, совершивших преступления, пожизненный запрет на занятие профессиональной деятельностью в указанных в данной статье сферах без учета тяжести совершенного преступления, давности его совершения, характера выполняемой работы.

Поводом для увольнения И.И.Гардера, работавшего водителем в муниципальном автономном образовательном учреждении дополнительного образования детей «Специализированная детско-юношеская спортивная школа олимпийского резерва» (приказ от 2 ноября 2012 года), послужила полученная работодателем справка Управления МВД России по Ханты-

Мансийскому автономному округу – Югре от 17 октября 2012 года с информацией о том, что в 1999 году в отношении И.И.Гардера было возбуждено, а 15 октября 1999 года прекращено в связи с деятельным раскаянием (статья 7 УПК РСФСР) уголовное дело по обвинению его в преступлении, предусмотренном частью четвертой статьи 222 «Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» УК Российской Федерации. Нижневартовский городской суд Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, куда И.И.Гардер обратился с исковым заявлением о восстановлении на работе, взыскании заработной платы за время вынужденного прогула и компенсации морального вреда, в удовлетворении его требований отказал (решение от 6 декабря 2012 года, оставленное без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 4 февраля 2013 года).

Решением Зеленогорского городского суда Красноярского края от 16 мая 2012 года (оставлено без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Красноярского краевого суда от 22 августа 2012 года) были удовлетворены иски прокурора закрытого административно-территориального образования «Город Зеленогорск» к муниципальному бюджетному образовательному учреждению «Средняя общеобразовательная школа № 176» о признании незаконным бездействия, выразившегося в том, что трудовой договор с О.А.Жуковой, которая с 1995 года работала в этом образовательном учреждении социальным педагогом, не был расторгнут, несмотря на то что заявительница обвинялась в совершении против несовершеннолетнего преступления, предусмотренного статьей 115 «Умышленное причинение легкого вреда здоровью» УК Российской Федерации, уголовное преследование по которому определением того же суда от 14 мая 2001 года

было прекращено по нереабилитирующему основанию – в связи с примирением сторон.

В.В.Осинцев, который дважды привлекался к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного частью первой статьи 112 «Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью» УК Российской Федерации, и уголовные дела в отношении которого были прекращены 24 августа 2004 года и 7 мая 2009 года по нереабилитирующему основанию – в связи с примирением сторон, приказом от 21 сентября 2012 года был уволен из муниципального образовательного учреждения «Камышенская средняя общеобразовательная школа», где он с 20 августа 2010 года занимал должность учителя физкультуры. В удовлетворении исковых требований о восстановлении на работе ему было отказано решением Петропавловского районного суда Алтайского края от 7 ноября 2012 года.

1.4. Конституционность пункта 13 части первой статьи 83 и абзаца третьего части второй статьи 331 Трудового кодекса Российской Федерации оспаривает гражданин Д.А.Карабут, приказом от 3 мая 2012 года уволенный с должности тренера-преподавателя, которую он замещал в муниципальном бюджетном учреждении дополнительного образования для детей «Детско-юношеская спортивная школа «Восток» Арсеньевского городского округа (Приморский край), в связи с тем, что в отношении него осуществлялось уголовное преследование по обвинению в преступлении, предусмотренном статьей 119 «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью» УК Российской Федерации, которое было прекращено постановлением мирового судьи судебного участка № 30 города Арсеньева Приморского края от 23 июля 2007 года по нереабилитирующему основанию – в связи с примирением сторон. Решением Арсеньевского городского суда Приморского края от 4 июня 2012 года, оставленным без изменения апелляционным определением Приморского краевого суда от 15 августа 2012 года, в удовлетворении искового заявления о признании увольнения

незаконным, восстановлении на работе, выплате денежной компенсации за время вынужденного прогула и компенсации морального вреда Д.А.Карабуту было отказано.

Заявитель полагает, что оспариваемые им нормы не соответствуют статьям 15 (часть 1), 19 (часть 1), 37 (части 1 и 3) и 54 Конституции Российской Федерации, поскольку вводят запрет на профессию для тех лиц, уголовное преследование которых осуществлялось до вступления в силу изменений, внесенных в Трудовой кодекс Российской Федерации Федеральным законом от 23 декабря 2010 года № 387-ФЗ, и которые совершили преступления не в отношении несовершеннолетних.

1.5. Мурманская областная Дума оспаривает конституционность абзаца третьей части второй статьи 331 Трудового кодекса Российской Федерации.

Как указано в запросе, данное законоположение устанавливает запрет на занятие педагогической деятельностью для лиц, подвергающихся уголовному преследованию за перечисленные в нем преступления, и налагает на работодателя – в нарушение статьи 49 (часть 1) Конституции Российской Федерации – обязанность уволить педагога, в отношении которого начато уголовное преследование, еще до признания его виновным вступившим в законную силу приговором суда, притом что в силу статьи 56 (часть 3) Конституции Российской Федерации презумпция невиновности, равно как и право на судебную защиту, закрепленное ее статьей 46 (часть 1), не подлежат ограничению; противоречит оно и статьям 37 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, поскольку вводит дополнительные ограничения в виде пожизненного запрета на занятие педагогической деятельностью для лиц, судимость которых снята или погашена, несмотря на то что в силу части шестой статьи 86 УК Российской Федерации погашение или снятие судимости аннулирует все правовые последствия, связанные с судимостью, а также для лиц, уголовное преследование в отношении которых было прекращено по нереабилитирующим основаниям, несмотря на то что такие лица судимости

не имеют; кроме того, осуществленное федеральным законодателем правовое регулирование, не позволяющее при решении вопроса об увольнении педагогического работника учитывать степень тяжести совершенного им преступления, фактические обстоятельства его совершения, а также форму вины, ограничивает права педагогических работников несоразмерно цели защиты прав несовершеннолетних.

1.6. В соответствии со статьями 3, 36, 74, 84, 85, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации принимает к рассмотрению жалобы граждан на нарушение их конституционных прав и свобод законом, примененным в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде, если придет к выводу, что оспариваемые законоположения затрагивают конституционные права и свободы граждан и что имеется неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли эти законоположения Конституции Российской Федерации, а запрос органа законодательной власти субъекта Российской Федерации о проверке конституционности нормативного правового акта или отдельных его положений – если заявитель, в частности, считает их не подлежащими действию из-за неконституционности; Конституционный Суд Российской Федерации принимает постановление только по предмету, указанному в обращении, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм.

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются пункт 13 части первой статьи 83, абзац третий части второй статьи 331 и статья 351¹ Трудового кодекса Российской Федерации в редакции Федерального закона от 23 декабря 2010 года № 387-ФЗ «О внесении изменений в статью 22¹

Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» и Трудовой кодекс Российской Федерации» (пункты 4 и 5 статьи 2) в той мере, в какой на их основании решается вопрос о возможности занятия педагогической деятельностью, а также иной профессиональной деятельностью в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних, организации их отдыха и оздоровления, медицинского обеспечения, социальной защиты и социального обслуживания, в сфере детско-юношеского спорта, культуры и искусства с участием несовершеннолетних лицами, имеющими или имевшими судимость, лицами, уголовное преследование в отношении которых прекращено по нереабилитирующим основаниям, и лицами, подвергающимися или подвергавшимися уголовному преследованию (за исключением лиц, уголовное преследование в отношении которых прекращено по реабилитирующим основаниям) за совершение перечисленных в абзаце третьем части второй статьи 331 и статье 351¹ Трудового кодекса Российской Федерации преступлений, в том числе в случаях, когда судимость снята или погашена.

2. В Российской Федерации как правовом и социальном государстве, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, охраняются труд и здоровье людей (статья 1, часть 1; статья 7 Конституции Российской Федерации). Исходя из того, что возможность собственным трудом обеспечить себе и своим близким средства к существованию представляет собой естественное благо, без которого утрачивают значение многие другие блага и ценности, Конституция Российской Федерации в числе основных прав и свобод человека, неотчуждаемых и принадлежащих каждому от рождения, признает свободу труда, а также право каждого свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию (статья 17, части 1 и 2; статья 37, часть 1), гарантируя при этом равенство прав и свобод

человека и гражданина (статья 19, части 1 и 2) и их государственную, в том числе судебную, защиту (статья 45, часть 1; статья 46, часть 1).

Вместе с тем в силу статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации право граждан на свободное распоряжение своими способностями к труду, выбор рода деятельности и профессии может быть ограничено федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Введение соответствующих ограничений возможно в том числе для достижения такой конституционно значимой цели, как защита жизни, здоровья и нравственности несовершеннолетних, поскольку детство – это период физической, умственной и психологической незрелости и одновременно важнейший этап развития личности, на котором закладываются основы моральных и нравственных качеств, формируются мировоззрение и взгляды, определяющие жизненные принципы и перспективы, что позволяет предъявлять к лицам, отвечающим по роду своей деятельности за воспитание и образование несовершеннолетних, повышенные требования.

Обеспечение благополучного и защищенного детства как конституционно признаваемая обязанность государства, вытекающая из статей 7 (часть 2) и 38 (часть 1) Конституции Российской Федерации, требует разработки и проведения эффективной правовой политики в этой области, направленной на недопущение дискриминации несовершеннолетних, упрочение гарантий их прав и законных интересов, а также восстановление этих прав в случаях их нарушения, формирование правовых основ гарантий прав ребенка, защиту детей от факторов, негативно влияющих на их физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие. Указанные цели закреплены Федеральным законом от 24 июля 1998 года № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (пункт 1 статьи 4) и согласуются с положениями Декларации

прав ребенка (принята Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1959 года), в соответствии с которыми ребенок нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту (преамбула); законом и другими средствами ребенку должна быть обеспечена специальная защита и предоставлены возможности и благоприятные условия, позволяющие ему развиваться физически, умственно, нравственно, духовно и в социальном отношении здоровым и нормальным путем и в условиях свободы и достоинства (принцип 2); ребенок должен быть защищен от всех форм небрежного отношения, жестокости и эксплуатации (принцип 9).

Как подчеркивается в Конвенции о правах ребенка (принята Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 года), во всех действиях в отношении детей первоочередное внимание должно уделяться наилучшему обеспечению интересов ребенка (пункт 1 статьи 3); государство обязано принимать все необходимые законодательные, административные, социальные и просветительские меры с целью защиты ребенка от всех форм физического или психологического насилия, оскорбления или злоупотребления, отсутствия заботы или небрежного обращения, грубого обращения или эксплуатации, включая сексуальное злоупотребление, со стороны родителей, законных опекунов или любого другого лица, заботящегося о ребенке (пункт 1 статьи 19).

Принятая Генеральной Ассамблеей ООН 24 декабря 2008 года Резолюция 63/241 «Права ребенка» призывает все государства при обеспечении прав несовершеннолетних гарантировать защиту детей от всех форм насилия или злоупотреблений со стороны тех, кто работает с детьми и призван отстаивать их интересы, в том числе в учреждениях системы образования (подпункт «d» пункта 27), и не допускать к работе с детьми людей, осужденных за насильственные преступления в отношении детей, включая сексуальное насилие, которые по-прежнему могут причинить вред детям (подпункт «i» пункта 27).

Федеральными законами от 7 мая 2013 года № 75-ФЗ и № 76-ФЗ Российской Федерацией ратифицированы соответственно Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, обязывающий Российскую Федерацию принимать, совершенствовать, применять и пропагандировать законы, административные меры, социальные стратегии и программы с целью предупреждения преступлений, указанных в данном Протоколе (пункт 1 статьи 9), и Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений от 25 октября 2007 года, которая предписывает принятие всех необходимых законодательных и иных мер в соответствии с внутренним правом, направленных на предупреждение сексуальной эксплуатации детей, прежде всего детской порнографии и проституции, и сексуальных злоупотреблений в отношении детей, пагубно влияющих на здоровье ребенка и его психосоциальное развитие (преамбула), на повышение уровня информированности в области защиты и обеспечения прав детей среди лиц, регулярно вступающих в контакт с детьми в сфере образования, здравоохранения, социальной защиты, правосудия и правоохранительной деятельности, в областях, связанных со спортом, культурой и досугом (пункт 1 статьи 5), а также на обеспечение соответствующих условий допуска к профессиональной деятельности, предусматривающей регулярные контакты с детьми, в частности исключая занятие такой профессиональной деятельностью лицами, ранее судимыми за деяния, связанные с сексуальной эксплуатацией или сексуальными злоупотреблениями в отношении детей (пункт 3 статьи 5). Указанные международно-правовые акты, как следует из их содержания, ориентируют Российскую Федерацию на принятие мер, направленных на обеспечение интересов детей, предотвращение всех форм физического или психологического насилия над ними, в том числе со стороны лиц, работающих или претендующих на работу с детьми и призванных отстаивать их интересы.

3. Правовое регулирование в сфере государственной защиты прав несовершеннолетних – исходя из требований Конституции Российской Федерации, ее статей 7 (часть 2), 20 (часть 1), 21 (часть 1), 22 (часть 1) и 38 (часть 1), а также международно-правовых обязательств Российской Федерации – должно в приоритетном порядке гарантировать им защиту достоинства личности, права на жизнь, права на свободу и личную неприкосновенность, что предполагает, в частности, наличие законодательных мер, имеющих целью обеспечение безопасности каждого ребенка как непосредственно от преступных посягательств, так и от неблагоприятного воздействия на его нравственность и психику, которое может существенным образом повлиять на развитие его личности, даже не будучи выраженным в конкретных противоправных деяниях.

Особая ответственность за сохранение жизни и здоровья несовершеннолетних, а также за их воспитание в условиях, обеспечивающих полноценное психическое, духовное, нравственное и физическое развитие, лежит – помимо родителей, опекунов, попечителей – на лицах, которые реализуют свое конституционное право на выбор рода деятельности и профессии в особой сфере, сопряженной с непосредственными и регулярными контактами с несовершеннолетними. В первую очередь это относится к педагогическим работникам, выполнение которыми своих трудовых обязанностей заключается в процессе обучения, т.е. деятельности по обеспечению овладения обучающимися знаниями, умениями, навыками и компетенциями, развитию способностей, и в процессе воспитания, т.е. деятельности, направленной на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающегося на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в обществе правил и норм поведения.

Соответственно, требования, предъявляемые законодательством об образовании к педагогическим работникам с учетом специфики их трудовой деятельности и задач, стоящих перед системой образования, касаются не

только их профессиональной подготовки, деловых качеств, но и морально-нравственного уровня. Этим обусловлено наличие в Трудовом кодексе Российской Федерации главы 52 «Особенности регулирования труда педагогических работников», а также специального основания увольнения работников, выполняющих воспитательные функции, – совершения по месту работы или в быту аморального проступка, несовместимого с продолжением данной работы (пункт 8 части первой статьи 81), и дополнительного основания прекращения трудового договора с педагогическими работниками – применения, в том числе однократного, методов воспитания, связанных с физическим и (или) психическим насилием над личностью обучающегося, воспитанника (пункт 2 статьи 336).

Вступающий в силу с 1 сентября 2013 года Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» также обязывает педагогических работников следовать требованиям профессиональной этики, уважать честь и достоинство обучающихся и других участников образовательных отношений, развивать у обучающихся познавательную активность, самостоятельность, инициативу, творческие способности, формировать гражданскую позицию, способность к труду и жизни в условиях современного мира, формировать у обучающихся культуру здорового и безопасного образа жизни (пункты 2–4 части 1 статьи 48). Как указано в Государственной программе Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 22 ноября 2012 года № 2148-р), в государственной политике в сфере общего образования и дополнительного образования детей должен сохраняться приоритет нравственного и гражданского воспитания подрастающего поколения.

Поскольку воспитатель, педагог, тренер или лицо, осуществляющее уход за несовершеннолетними, их лечение или социальное обслуживание, регулярно вступают с ними в непосредственный контакт и несут повышенную ответственность за их безопасность, постольку к обучению,

воспитанию, развитию, в том числе в сфере детско-юношеского спорта, культуры и искусства с участием несовершеннолетних, к организации их отдыха и оздоровления, медицинскому обеспечению, социальной защите и социальному обслуживанию могут допускаться лишь те лица, которые не представляют угрозы их жизни, здоровью и нравственности.

Исходя из этого при осуществлении правового регулирования в указанных сферах федеральный законодатель – в целях обеспечения приоритетной государственной защиты несовершеннолетних, включая их защиту от преступных посягательств и негативного влияния, – вправе устанавливать необходимые ограничения в отношении доступа к соответствующей деятельности лиц, поведение и морально-нравственные качества которых могут свидетельствовать о наличии угрозы для жизни, физического и психического здоровья, нравственности несовершеннолетних. В частности, установление запрета на занятие профессиональной деятельностью, связанной с непосредственными и регулярными контактами с несовершеннолетними, для лиц, совершивших определенные преступления, выступает в качестве меры защиты несовершеннолетних, не способных в силу возраста эффективно противодействовать преступным посягательствам либо негативному воздействию на собственную психику.

4. Положения, устанавливающие для лиц, имеющих или имевших судимость, подвергающихся или подвергавшихся уголовному преследованию (за исключением лиц, уголовное преследование в отношении которых прекращено по реабилитирующим основаниям) за преступления против жизни и здоровья, свободы, чести и достоинства личности (за исключением незаконного помещения в психиатрический стационар, клеветы и оскорбления), половой неприкосновенности и половой свободы личности, против семьи и несовершеннолетних, здоровья населения и общественной нравственности, против общественной безопасности, ограничение на занятие педагогической и иной профессиональной деятельностью в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних, организации их отдыха и оздоровления,

медицинского обеспечения, социальной защиты и социального обслуживания, в сфере детско-юношеского спорта, культуры и искусства с участием несовершеннолетних, были введены в Трудовой кодекс Российской Федерации (абзац третьей части второй статьи 331 и статья 351¹) Федеральным законом от 23 декабря 2010 года № 387-ФЗ. Тем же Федеральным законом часть первая статьи 83 Трудового кодекса Российской Федерации была дополнена таким основанием прекращения трудового договора по обстоятельствам, не зависящим от воли сторон, как возникновение установленных данным Кодексом, иным федеральным законом и исключаящих возможность исполнения работником обязанностей по трудовому договору ограничений на занятие определенными видами трудовой деятельности. Указанные изменения вступили в силу с 7 января 2011 года. Федеральным законом от 1 апреля 2012 года № 27-ФЗ в перечень видов преступлений, содержащийся в статьях 331 и 351¹ Трудового кодекса Российской Федерации, дополнительно включены преступления против основ конституционного строя и безопасности государства.

Ограничивая, таким образом, для указанных лиц доступ к трудовой деятельности в этих сферах, федеральный законодатель преследовал цель обезопасить жизнь, физическое и психическое здоровье несовершеннолетних, оградить от негативного воздействия на формирование их как личностей, создать условия, обеспечивающие полноценное психическое, духовное, нравственное и физическое развитие несовершеннолетних, как того требуют статьи 20 (часть 1), 21 (часть 1), 22 (часть 1) и 38 (часть 1) Конституции Российской Федерации и соответствующие международно-правовые акты.

4.1. Устанавливая особые правила допуска к профессиональной деятельности и ограничивая тем самым право граждан на свободное распоряжение своими способностями к труду, федеральный законодатель обязан находить баланс конституционно защищаемых ценностей, публичных и частных интересов, соблюдать принципы справедливости, равенства и

соразмерности, которые выступают в качестве конституционных критериев оценки законодательного регулирования прав и свобод, используя при этом не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные конституционно одобряемыми целями меры; при этом ограничения прав и свобод во всяком случае не должны посягать на само существо права и приводить к утрате его основного содержания.

Такой подход, вытекающий из статей 17 (часть 3) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, согласуется, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации (постановления от 30 октября 2003 года № 15-П, от 14 июля 2005 года № 9-П, от 16 июня 2009 года № 9-П, от 27 июня 2012 года № 15-П и от 21 мая 2013 года № 10-П, Определение от 3 июля 2008 года № 612-О-П), с общепризнанными принципами и нормами международного права, в частности со статьей 29 Всеобщей декларации прав человека, провозглашающей, что каждый человек при осуществлении своих прав и свобод должен подвергаться только тем ограничениям, которые установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе.

Следовательно, ограничения на доступ к осуществлению педагогической или иной профессиональной деятельности в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних, организации их отдыха и оздоровления, медицинского обеспечения, социальной защиты и социального обслуживания, в сфере детско-юношеского спорта, культуры и искусства с участием несовершеннолетних, вводимые федеральным законодателем в целях охраны их жизни, здоровья и нравственности, по смыслу статей 7 (часть 2), 19 (части 1 и 2), 20 (часть 1), 21 (часть 1), 37 (часть 1), 38 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, должны обеспечивать приоритетную защиту прав и законных интересов несовершеннолетних, принимая во внимание их эмоциональную, духовную и

интеллектуальную незрелость, но вместе с тем не приводить к несоразмерному ограничению прав и свобод лиц, осуществляющих трудовую деятельность в указанных сферах.

4.2. Положения абзаца третьей части второй статьи 331 и статьи 351¹ Трудового кодекса Российской Федерации предусматривают бессрочный и безусловный запрет на занятие профессиональной деятельностью в указанных в этих положениях сферах для лиц, которые имеют судимость либо судимость которых снята или погашена, признанных виновными в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, а также преступлений средней и небольшой тяжести, виды которых перечислены в данных законоположениях, равно как и лиц, подвергавшихся за такие преступления уголовному преследованию, если оно прекращено по нереабилитирующим основаниям, и лиц, уголовное преследование в отношении которых не окончено и приговор не вынесен. Данные законоположения в части, ограничивающей право на выбор рода деятельности и профессии для лиц, чья виновность в совершении тяжких и особо тяжких преступлений из числа указанных в этих законоположениях, а преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности – независимо от степени их тяжести установлена вступившим в законную силу приговором суда (даже если впоследствии судимость снята или погашена), не могут рассматриваться как нарушающие конституционный принцип соразмерности.

Поскольку на современном этапе развития общества невозможно гарантировать надлежащее исправление лица, совершившего преступление, таким образом, чтобы исключить возможность рецидива преступлений, федеральный законодатель, минимизируя риски для жизни, здоровья и нравственности именно несовершеннолетних – основы будущих поколений и при этом наиболее беззащитной и уязвимой категории граждан, находящейся под особой охраной Конституции Российской Федерации (преамбула; статья 7, часть 2; статья 20, часть 1; статья 21, часть 1; статья 22, часть 1; статья 38, часть 1), был вправе ограничить доступ к педагогической и иной профессиональной

деятельности в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних, организации их отдыха и оздоровления, медицинского обеспечения, социальной защиты и социального обслуживания, в сфере детско-юношеского спорта, культуры и искусства с участием несовершеннолетних для лиц, имеющих или имевших судимость за совершение тяжких и особо тяжких преступлений из числа указанных в абзаце третьем части второй статьи 331 и статье 351¹ Трудового кодекса Российской Федерации, а также преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, сам факт совершения которых – в силу особенностей объекта посягательства, тяжести последствий таких преступлений – свидетельствует об опасности, которую эти лица могут представлять для жизни, здоровья и нравственности несовершеннолетних.

4.3. Конституция Российской Федерации, допуская в силу статьи 55 (часть 3) в отношении лиц, имеющих судимость, возможность закрепления федеральным законом определенных, сохраняющихся после отбытия ими уголовного наказания дополнительных обременений, которые обусловлены в том числе общественной опасностью таких лиц, адекватны ей и связаны с обязанностью нести ответственность за виновное поведение, вместе с тем требует безусловного соблюдения предусмотренных ею гарантий личности и исходит из необходимости обеспечения справедливости соответствующих ограничений, их соразмерности защищаемым конституционным ценностям (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 марта 2003 года № 3-П).

Из приведенной правовой позиции следует, что федеральный законодатель вправе ограничить доступ к работе с несовершеннолетними лицам, имеющим или имевшим судимость и за иные преступления, помимо тяжких и особо тяжких преступлений из числа указанных в абзаце третьем части второй статьи 331 и статье 351¹ Трудового кодекса Российской Федерации, а также преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, – если имеются убедительные основания

полагать, что совершившее такое преступление лицо, будь оно допущено к педагогической или иной профессиональной деятельности в сфере организации отдыха и оздоровления несовершеннолетних, их медицинского обеспечения, социальной защиты и социального обслуживания, в сфере детско-юношеского спорта, культуры и искусства с участием несовершеннолетних, представляет потенциальную угрозу для их жизни, здоровья и нравственности.

Вместе с тем отнюдь не каждое из достаточно широкого перечня видов преступлений, закрепленного в абзаце третьем части второй статьи 331 и статье 351¹ Трудового кодекса Российской Федерации (например, такие преступления против общественной безопасности, как предусмотренные частью первой статьи 215 «Нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики» или частью первой статьи 215¹ «Прекращение или ограничение подачи электрической энергии либо отключение от других источников жизнеобеспечения» УК Российской Федерации), в равной мере может быть содержательно увязано с невозможностью осуществления совершившими их лицами профессиональной деятельности, предполагающей регулярные и непосредственные контакты с несовершеннолетними.

4.4. Прекращение уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям само по себе не исключает потенциальную опасность лица, в отношении которого уголовное преследование не было доведено до вынесения судом приговора. Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в постановлениях от 28 октября 1996 года № 18-П и от 14 июля 2011 года № 16-П, отказ в возбуждении уголовного дела или его прекращение в связи с освобождением лица от уголовной ответственности и наказания по нереабилитирующему основанию не влекут признание его виновным или невиновным в совершении преступления; принимаемое в таких случаях процессуальное решение не подменяет собой приговор суда и по своему содержанию и правовым последствиям не является актом, которым устанавливается виновность подозреваемого (обвиняемого) в том смысле, как это предусмотрено статьей 49 Конституции Российской Федерации.

Федерации; подобного рода решения констатируют отказ от дальнейшего доказывания или рассмотрения вопроса о виновности лица, несмотря на то что основания для осуществления в отношении него уголовного преследования сохраняются. Например, в случае прекращения уголовного преследования в связи с истечением срока давности вопрос, может ли такое лицо представлять опасность для жизни, здоровья и нравственности несовершеннолетних, остается непроясненным, что – имея в виду приоритет защиты прав несовершеннолетних – не исключает возможность ограничения права этого лица на доступ к трудовой деятельности, связанной с непосредственными регулярными контактами с несовершеннолетними, даже при отсутствии вступившего в законную силу приговора.

Но если такое нормативно закрепленное ограничение в части, относящейся к определенным составам преступлений, не отвечает конституционному критерию соразмерности, то при прочих равных условиях уже не имеет значения, применено оно в результате (на основе) приговора суда или акта о прекращении преследования по нереабилитирующему основанию.

Кроме того, при оценке положений пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351¹ Трудового кодекса Российской Федерации в отношении их действия во времени и по кругу лиц следует учитывать, что, не возражая против прекращения уголовного преследования по нереабилитирующему основанию (а при наличии таких возражений прекращение уголовного преследования согласно части второй статьи 27 УПК Российской Федерации не допускается), лицо, подозревавшееся или обвинявшееся в совершении преступления до вступления Федерального закона от 23 декабря 2010 года № 387-ФЗ в силу, не могло предвидеть последствий процессуальной позиции, которую оно занимало во время производства по уголовному делу, для своей трудовой деятельности.

Взаимосвязанные положения пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351¹ Трудового кодекса Российской Федерации не учитывают и специфику прекращения уголовного

преследования по нереабилитирующим основаниям по делам частного обвинения (часть первая статьи 115, часть первая статьи 116 и часть первая статьи 128¹ УК Российской Федерации), которые возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего (его законного представителя) и в случае примирения потерпевшего с обвиняемым подлежат прекращению (часть вторая статьи 20 и часть первая статьи 318 УПК Российской Федерации). При этом федеральный законодатель исходил из того, что такие преступления относятся к числу не представляющих значительной общественной опасности (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2005 года № 7-П).

Поскольку уголовные дела частного обвинения подлежат обязательному прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым, суд в этих случаях обстоятельства уголовного дела не рассматривает и фактически не устанавливает наличия или отсутствия как самого деяния, так и иных признаков состава преступления, и, соответственно, преступного характера поведения лица, обвиняемого по делу. Часть третья статьи 321 УПК Российской Федерации предусматривает возможность соединения в одном производстве рассмотрения заявления по уголовному делу частного обвинения с рассмотрением встречного заявления. В таком случае подавшие их лица участвуют в уголовном судопроизводстве одновременно и в качестве частного обвинителя и в качестве подсудимого. Соответственно, при примирении сторон и прекращении уголовного дела прекращается – причем без какого-либо обоснования по существу – и уголовное преследование в отношении обоих лиц.

5. Пункт 13 части первой статьи 83 Трудового кодекса Российской Федерации – в системном единстве с абзацем третьим части второй его статьи 331 и статьей 351¹ – предполагает безусловное (в обязательном порядке) увольнение любого привлекавшегося к уголовной ответственности за совершение любого из указанных в этих законоположениях преступлений лица, в том числе заключившего трудовой договор до вступления в силу

Федерального закона от 23 декабря 2010 года № 387-ФЗ, независимо от каких бы то ни было обстоятельств (кроме прекращения дела по реабилитирующим основаниям).

Между тем лица, судимость которых снята или погашена либо уголовное преследование в отношении которых прекращено по нереабилитирующим основаниям задолго до вступления в силу Федерального закона от 23 декабря 2010 года № 387-ФЗ и которые зарекомендовали себя как добросовестные работники, добились значительных трудовых успехов и не были замечены в попытках причинить вред несовершеннолетним, жестоким обращении с ними или в аморальном поведении, в таком случае с точки зрения действовавшего тогда законодательства не могли рассматриваться как подлежащие увольнению по основанию, введенному Федеральным законом от 23 декабря 2010 года № 387-ФЗ. Тем не менее такие лица, которые продолжительное время успешно осуществляли педагогическую и иную профессиональную деятельность в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних, организации их отдыха и оздоровления, медицинского обеспечения, социальной защиты и социального обслуживания, в сфере детско-юношеского спорта, культуры и искусства с участием несовершеннолетних и поведение которых не дает оснований полагать, что они представляют какую-либо опасность для жизни, здоровья и нравственности несовершеннолетних, в силу пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351¹ Трудового кодекса Российской Федерации подлежат увольнению, причем без предоставления каких-либо гарантий.

При рассмотрении исковых требований таких работников о восстановлении на работе или изменении формулировки причины увольнения суд – в силу императивности нормы пункта 13 части первой статьи 83 Трудового кодекса Российской Федерации – не может учесть всего комплекса связанных с увольнением обстоятельств и вправе проверить лишь соблюдение его процедуры. При этом формальное подтверждение одного

только факта привлечения уволенного работника к уголовной ответственности за совершение любого из перечисленных в абзаце третьем части второй статьи 331 и статье 351¹ Трудового кодекса Российской Федерации преступлений, несмотря на то что его судимость к моменту увольнения была снята или погашена либо уголовное преследование прекращено по нереабилитирующим основаниям, является достаточным для отказа в удовлетворении исковых требований (что подтверждается судебными решениями, принятыми в отношении граждан – заявителей по настоящему делу).

Соответственно, суд не имеет возможности принять во внимание и такие существенные для дела обстоятельства, как вид и степень тяжести совершенного преступления, форма вины, поведение лица после совершения преступления, в том числе его деятельное раскаяние и стремление загладить причиненный вред, давность совершения преступления, последующее отношение уволенного к исполнению профессиональных обязанностей, и иные факторы, имеющие значение для оценки возможности – с точки зрения защиты гарантированных Конституцией Российской Федерации прав несовершеннолетних – продолжения этим лицом педагогической и иной профессиональной деятельности в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних, организации их отдыха и оздоровления, медицинского обеспечения, социальной защиты и социального обслуживания, в сфере детско-юношеского спорта, культуры и искусства с участием несовершеннолетних, если такая деятельность связана с непосредственными и регулярными контактами с ними. В результате работники, уволенные по основанию, предусмотренному пунктом 13 части первой статьи 83 Трудового кодекса Российской Федерации, не получают реальную судебную защиту, которая, не будучи формальной, должна гарантировать эффективное восстановление в правах в соответствии с законодательно закрепленными критериями (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 11 мая 2005 года № 5-П, от 20 февраля 2006 года № 1-П, от 5 февраля 2007

года № 2-П и др.): воспользовавшись своим правом на обращение в суд за разрешением индивидуального трудового спора, такой работник имеет возможность обжаловать только саму процедуру увольнения, но не его основание. В такой же, по существу, правовой ситуации оказываются при обращении в суд и лица, которым в силу абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351¹ Трудового кодекса Российской Федерации отказано в приеме на работу.

6. Положения пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351¹ Трудового кодекса Российской Федерации в их системной связи устанавливают обязательный и безусловный запрет на осуществление педагогической и иной профессиональной деятельности в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних, организации их отдыха и оздоровления, медицинского обеспечения, социальной защиты и социального обслуживания, в сфере детско-юношеского спорта, культуры и искусства с участием несовершеннолетних, а равно прекращение трудового договора не только применительно к лицам, осужденным по приговору суда за совершение указанных в данных законоположениях преступлений, но и применительно к лицам, уголовное преследование в отношении которых за совершение таких преступлений не завершено, притом что оно может завершиться как вынесением обвинительного приговора или прекращением уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, так и постановлением оправдательного приговора или прекращением уголовного дела по реабилитирующим основаниям (в том в числе в связи с недоказанной причастностью лица к совершению преступления или толкованием сомнений в виновности лица в его пользу).

Из статей 49 и 54 (часть 2) Конституции Российской Федерации и основанной на них правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации (Постановление от 14 июля 2011 года № 16-П) вытекает, что соблюдение фундаментальных процессуальных гарантий прав личности, включая презумпцию невиновности, должно обеспечиваться и при

разрешении вопроса о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию; принимая решение о прекращении уголовного дела на досудебных стадиях уголовного процесса, компетентные государственные органы должны исходить из того, что лица, в отношении которых прекращено уголовное преследование, виновными в совершении преступления не признаны, а значит, и не могут быть названы таковыми, – в конституционно-правовом смысле эти лица могут считаться лишь привлекавшимися к участию в уголовном судопроизводстве на соответствующей стадии ввиду выдвижения против них подозрения или обвинения.

Общее и безусловное ограничение права на занятие педагогической или иной профессиональной деятельностью в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних, организации их отдыха и оздоровления, медицинского обеспечения, социальной защиты и социального обслуживания, в сфере детско-юношеского спорта, культуры и искусства с участием несовершеннолетних для лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование (вне зависимости от того, каким результатом оно завершится), не согласуется со статьей 49 (часть 1) Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда, а также не отвечает общеправовым принципам справедливости, равенства и соразмерности ограничений прав и свобод.

Стремление федерального законодателя оградить несовершеннолетних от риска подвергнуться преступным посягательствам или психологическому давлению со стороны лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, если применяемая к этому лицу мера пресечения не исключает продолжения трудовой деятельности, само по себе согласуется с конституционно признаваемыми целями возможных ограничений прав и

свобод человека и гражданина (статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации).

Вместе с тем, учитывая, что уголовно-процессуальному законодательству известны институты (например, временное отстранение от должности), применение которых позволило бы обезопасить несовершеннолетних от возможного преступного посягательства и негативного воздействия на них подозреваемых, обвиняемых, подсудимых без принятия решений, влекущих прекращение трудовых отношений до вступления в законную силу приговора, предписание пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351¹ Трудового кодекса Российской Федерации ведет к несоразмерному ограничению прав, гарантируемых статьями 37 (часть 1), 46 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, поскольку в данном случае прекращение трудовых отношений рассматривается как безусловное последствие начала уголовного преследования.

7. В силу закрепленных Конституцией Российской Федерацией принципов справедливости, юридического равенства (преамбула, статья 19) и конституционной законности (статьи 4, 15 и 120) и основанных на них правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации (Постановление от 20 апреля 2006 года № 4-П и др.) правоприменительные органы, в том числе суды, не могут не учитывать волю федерального законодателя, выраженную в новом уголовном законе, устраняющем или смягчающем уголовную ответственность, т.е. являющемся актом, который по-новому определяет характер и степень общественной опасности тех или иных преступлений и правовой статус лиц, их совершивших.

Соответственно, воля федерального законодателя должна учитываться и при применении иных, помимо уголовного, законов, предусматривающих правовые последствия совершения лицом уголовно наказуемого деяния, в том числе при применении взаимосвязанных положений пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351¹

Трудового кодекса Российской Федерации. В противном случае лица, подвергнутые уголовному преследованию и осуждению до принятия уголовного закона, устраняющего уголовную ответственность, попадали бы под установленные в Трудовом кодексе Российской Федерации ограничения, находясь в неравном положении с теми лицами, которые совершили аналогичные деяния после вступления в силу нового уголовного закона, исключающего возможность уголовного преследования и осуждения данных лиц по приговору суда, и на которых установленные трудовым законодательством ограничения уже не распространялись бы. Тем самым нарушались бы указанные конституционные принципы и вытекающие из них критерии действия закона во времени и по кругу лиц, в силу которых совершение деяния, которое впоследствии утратило уголовно-правовую оценку в качестве преступного, не может служить таким же основанием для установления ограничения трудовых прав, как совершение преступления. Это требование распространяется на все декриминализованные деяния независимо от времени их совершения и на всех лиц, в том числе тех, в отношении которых уголовное преследование было прекращено по нереабилитирующим основаниям.

Следовательно, взаимосвязанные положения пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351¹ Трудового кодекса Российской Федерации в той мере, в какой эти положения – по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой (что подтверждается и правоприменительными решениями, вынесенными в отношении граждан – заявителей по настоящему делу), – допускают наступление предусмотренных ими неблагоприятных последствий в связи с совершением лицом деяния без учета его законодательной оценки в новом уголовном законе, устраняющем уголовную ответственность, не соответствуют Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (часть 1), 37 (часть 1), 46 (часть 1), 49 (часть 1), 54 (часть 2) и 55 (часть 3).

Исходя из изложенного и руководствуясь статьей 6, частью второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 78, 79, 87 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать взаимосвязанные положения пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351¹ Трудового кодекса Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой данные законоположения – по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования – означают, что к занятию педагогической деятельностью, а также иной профессиональной деятельностью в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних, организации их отдыха и оздоровления, медицинского обеспечения, социальной защиты и социального обслуживания, в сфере детско-юношеского спорта, культуры и искусства с участием несовершеннолетних не допускаются (а работавшие на момент вступления в силу Федерального закона от 23 декабря 2010 года № 387-ФЗ «О внесении изменений в статью 22¹ Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» и Трудовой кодекс Российской Федерации» – подлежат увольнению):

лица, имеющие судимость за совершение указанных в абзаце третьем части второй статьи 331 и статье 351¹ Трудового кодекса Российской Федерации преступлений;

лица, имевшие судимость за совершение тяжких и особо тяжких из числа указанных в данных законоположениях преступлений, а также преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности;

лица, имевшие судимость за совершение иных указанных в данных законоположениях преступлений, а также лица, уголовное преследование в

отношении которых по обвинению в совершении указанных в данных законоположениях преступлений прекращено по нереабилитирующим основаниям, – постольку, поскольку на основе оценки опасности таких лиц для жизни, здоровья и нравственности несовершеннолетних обеспечивается соразмерность введенного ограничения целям государственной защиты прав несовершеннолетних.

2. Признать взаимосвязанные положения пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351¹ Трудового кодекса Российской Федерации:

не соответствующими статьям 19 (части 1 и 2), 37 (часть 1), 46 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой данные законоположения вводят безусловный и бессрочный запрет на занятие педагогической деятельностью, а также иной профессиональной деятельностью в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних, организации их отдыха и оздоровления, медицинского обеспечения, социальной защиты и социального обслуживания, в сфере детско-юношеского спорта, культуры и искусства с участием несовершеннолетних и, соответственно, предполагают безусловное увольнение лиц, имевших судимость (а равно лиц, уголовное преследование в отношении которых прекращено по нереабилитирующим основаниям) за совершение иных указанных в данных законоположениях преступлений, кроме тяжких и особо тяжких преступлений, а также преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, не предусматривая при этом необходимость учета вида и степени тяжести совершенного преступления, срока, прошедшего с момента его совершения, формы вины, обстоятельств, характеризующих личность, в том числе поведение лица после совершения преступления, отношение к исполнению трудовых обязанностей, а также иных факторов, позволяющих определить, представляет ли конкретное лицо опасность для жизни, здоровья и нравственности несовершеннолетних, чем несоразмерно ограничивают право

таких лиц на свободное распоряжение своими способностями к труду и нарушают баланс конституционно значимых ценностей;

не соответствующими статьям 37 (часть 1), 49 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой данные законоположения предусматривают обязательное и безусловное прекращение трудового договора с работником, осуществляющим педагогическую или иную профессиональную деятельность в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних, организации их отдыха и оздоровления, медицинского обеспечения, социальной защиты и социального обслуживания, в сфере детско-юношеского спорта, культуры и искусства с участием несовершеннолетних, если это лицо подвергается уголовному преследованию за указанные в данных законоположениях преступления, – до разрешения уголовного дела по существу или до завершения производства по уголовному делу;

не соответствующими статьям 37 (часть 1), 54 (часть 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой данные законоположения – по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, – допускают наступление предусмотренных ими неблагоприятных последствий в связи с совершением лицом деяния, которое на момент решения вопроса о приеме на работу или об увольнении не признается преступлением.

3. Федеральному законодателю надлежит – исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом основанных на этих требованиях правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, – внести в Трудовой кодекс Российской Федерации изменения, направленные на обеспечение баланса конституционно значимых ценностей применительно к ограничениям на занятие педагогической деятельностью, а также иной профессиональной деятельностью в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних, организации их отдыха и оздоровления, медицинского

обеспечения, социальной защиты и социального обслуживания, в сфере детско-юношеского спорта, культуры и искусства с участием несовершеннолетних для лиц, имеющих или имевших судимость, подвергавшихся уголовному преследованию (за исключением лиц, уголовное преследование в отношении которых прекращено по реабилитирующим основаниям), в том числе установить, имея при этом в виду приоритет прав и интересов несовершеннолетних как нуждающихся в особой государственной защите, скорректированный с учетом содержащихся в настоящем Постановлении правовых позиций перечень видов преступлений, сам факт совершения которых – вне зависимости от каких бы то ни было обстоятельств – дает основание утверждать, что совершившие такие преступления лица представляют безусловную опасность для жизни, здоровья и нравственности несовершеннолетних.

Впредь до внесения в действующее правовое регулирование надлежащих изменений к педагогической деятельности, а также иной профессиональной деятельности в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних, организации их отдыха и оздоровления, медицинского обеспечения, социальной защиты и социального обслуживания, в сфере детско-юношеского спорта, культуры и искусства с участием несовершеннолетних во всяком случае не могут допускаться (а работающие – подлежат увольнению) лица, имеющие судимость за совершение указанных в абзаце третьем части второй статьи 331 и статье 351¹ Трудового кодекса Российской Федерации преступлений, лица, имевшие судимость за совершение тяжких и особо тяжких из числа указанных в данных законоположениях преступлений, а также преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности.

При применении положений пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351¹ Трудового кодекса Российской Федерации в отношении лиц, совершивших иные преступления из числа указанных в этих положениях, притом что их судимость снята или

погашена, либо лиц, уголовное преследование в отношении которых по обвинению в совершении таких преступлений прекращено по нереабилитирующим основаниям, необходимо учитывать факторы, позволяющие оценить возможность осуществления этими лицами профессиональной деятельности, связанной с регулярными и непосредственными контактами с несовершеннолетними, без риска подвергнуть опасности их жизнь, здоровье и нравственность.

4. Федеральный законодатель правомочен установить порядок временного отстранения от исполнения трудовых обязанностей лица, занимающегося педагогической деятельностью, а также иной профессиональной деятельностью в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних, организации их отдыха и оздоровления, медицинского обеспечения, социальной защиты и социального обслуживания, в сфере детско-юношеского спорта, культуры и искусства с участием несовершеннолетних, если это лицо подозревается или обвиняется в совершении преступления из числа указанных в абзаце третьем части второй статьи 331 и статье 351¹ Трудового кодекса Российской Федерации, до разрешения уголовного дела по существу или до завершения производства по уголовному делу.

Впредь до внесения в действующее правовое регулирование соответствующих изменений временное отстранение таких лиц от работы осуществляется в порядке, установленном статьей 114 УПК Российской Федерации и статьей 76 Трудового кодекса Российской Федерации, при наличии оснований полагать, что они представляют потенциальную опасность для жизни, здоровья и нравственности несовершеннолетних.

5. Правоприменительные решения, вынесенные в отношении заявителей по настоящему делу – граждан В.К.Барабаш, А.Н.Бекасова, И.И.Гардера, О.В.Гликман, Е.В.Горохова, А.В.Гумерова, О.А.Жуковой, Д.А.Карабута, О.А.Курашкина, В.В.Осинцева и К.М.Щербины на основании положений пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351¹ Трудового кодекса Российской Федерации в той

мере, в какой данные положения признаны настоящим Постановлением не соответствующими Конституции Российской Федерации, подлежат пересмотру в установленном порядке, если для этого нет иных препятствий.

6. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

7. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации